

*Что для наших — раз плюнуть,
для эльфа может стать проблемой.*

Глава 1

Эльф был неправильным.

Я это четко разглядела.

Да и как не разглядеть, если врзалась в него с разбегу, практически на полном ходу?

Не стоило, конечно, спешить, но я катастрофически опаздывала. Поэтому срезала путь и перешла на открытую галерею, опоясывающую основной учебный корпус. А там, между прочим, холодно, снег кое-где лежит, ветер так и норовит коварно пробраться под одежду, чтобы пересчитать все косточки, не пропуская ни одной, даже самой тоненькой.

Капюшон плаща с непривычки постоянно съезжал на глаза, приходилось его поправлять, отпуская длинную юбку, и она, как нарочно, тут же начинала хлестать по ногам. Так я и бежала, сражаясь с капюшоном, подолом платья, закрываясь от порывов ветра и перепрыгивая через снежные полосы на каменном полу.

Резко свернула за угол, поскользнулась, взмахнула руками и впечаталась в чью-то грудь. Мощную такую, крепкую. Еще и руками в нее вцепилась — для надежности, чтобы уж точно не упасть.

Вцепилась, торопливо пробормотала:

— Простите. Оступилась...

И только потом вскинула голову, озадаченно уставившись на пойманного мною мужчину.

Точнее, эльфа.

Да еще и неправильного.

Не то чтобы я этих самых эльфов в своей жизни много встречала. Вовсе нет. Строго говоря, до недавних пор

я с ними вообще не сталкивалась. Не водятся они в нашем мире. А вот за последние несколько дней вдоволь насмотрелась — в основном издали.

Высокие, изящные, заносчивые. Все как на подбор золотоволосые, голубоглазые, забавно длинноухие и совершенные, подобно статуэтке из бесценного фарфора. Вполне себе ожидаемые такие эльфы — точь-в-точь как их описывают в мифах, легендах и прочих фэнтези-книгах у нас на Земле.

А этот...

Нет, он тоже казался идеально, просто-таки неприлично красивым, но совсем по-иному.

Широкий разворот плеч. Волосы — платиновые с темными прядями — чуть растрепаны и собраны не в аккуратную, замысловатую прическу, а в небрежный хвост. Густо-синие, как штормовое море, глаза смотрят прямо и твердо. И уши... Хотя и заостренные, как у любого представителя его расы, но совсем чуть-чуть, едва заметно. Аккуратные уши. Симпатичные.

Чувствовалась в нем какая-то сила, пусть и тщательно контролируемая, но от этого не менее смертоносная. А в чертах лица не было ни следа плавной утонченности — лишь хищная, властная резкость.

В общем, странный эльф. Мне подобные еще не попадались.

Потому я и застыла, с любопытством разглядывая его. Из чисто теоретического, исследовательского интереса.

Но эльф, похоже, расценил мое внимание по-своему. Ухмыльнулся — надменно так, снисходительно, и это ментально сделало его похожим на остальных высокомерных ушастых.

Я с досадой тряхнула головой, тут же вспомнила, что спешу, разжала ладони и провела рукой по груди незнакомца, разглаживая смятую мной куртку. Ощущая под пальцами литые мускулы.

Глаза эльфа потемнели еще больше. В глубине зрачков вспыхнуло жаркое васильковое пламя, притягивая, завораживая. Впрочем, вдоволь полюбоваться этим необычным

явлением природы мне не дали. Почти брезгливо откинули мою руку и процедили:

— Неуклюжая человечка.

Ну надо же... И правда, ничем не лучше остальных — такой же напыщенный, самодовольный тип. Видимо, это у них общий недостаток, национальный, так сказать. Жаль, но ничего не поделаешь.

Можно было, конечно, поспорить. Объяснить, что для того, кто привык большую часть жизни носить джинсы и свитшоты, не так-то легко привыкнуть к пышным юбкам до пят. Только вот зачем? Все равно не поймет. Да и некогда мне.

— Какая есть, — невозмутимо пожала плечами. — Не все же рождаются «уклюжими» эльфами.

— Что?

— Ничего. Не забивайте голову, свободное место вам еще пригодится, — заботливо посоветовала я, но углублять конфликт не стала.

В конце концов, мне здесь учиться, нужно как-то ладить с местными аборигенами.

Быстро выдохнула:

— Извините еще раз...

И, посчитав инцидент исчерпанным, собралась двигаться дальше, но не тут-то было.

Меня перехватили, остановили и снова развернули лицом к эльфам.

— Извините? — презрительно переспросил этот... неправильный. — И все? Считаешь, одного извинения достаточно?

— Двух, — педантично поправила я.

— Что?

— Одно «простите» плюс одно «извините». Итого два, — терпеливо подсчитала я. — Два извинения за одно столкновение. Получается, я даже переплатила... Немного. Или у вас другая система расчетов? Хорошо. Сколько извинений надо? Три? Пять? Десять? Говорите, не стесняйтесь. Мне не сложно. Могу даже парочку «спасиб» прибавить, на всякий случай. За общение, так сказать. И выдать залпом,

чтобы хоть одно в вас попало. Хотя, боюсь, все они отрикошетят от такого непробива... гм... во всех отношениях достойного и «уклюжего» эльфа.

На лице «уклюжего» не двинулся ни единый мускул, лишь уголки губ дернулись в еле заметной усмешке.

— Мне не нужны твои пустые слова, человечка.

— Полных не имеем, — развела я руками. — Берите, что дают.

— Отработаешь.

От этого, в высшей степени неожиданного, заявления я даже воздухом поперхнулась. Они что, в этом мире, с ума посходили?

Эльф, пользуясь моим ошарашенным молчанием, невозмутимо продолжил:

— Придешь после обеда в мои покои. Пыль протрешь. У слуг как раз сегодня выходной. Одного раза достаточно. На большее ты вряд ли согласишься.

А в уголках губ притаилась чуть заметная улыбка... выразительная такая — как намек, что под «одним разом» не только пыль подразумевается.

Так значит, да?

Нет, я не стала грубить. Вежливость — наше все. Я вообще, когда злюсь, становлюсь предельно учливой. А тут еще и тема деликатная.

— Стесняюсь спросить, — произнесла мягко, почти ласково. — Вы инвалид с детства или в результате несчастного случая? Производственная травма? Совсем себя обслуживать не способны? Понимаю, это очень личное, но хотелось бы заранее знать, раз уж мы об этом заговорили. Потому что я, конечно, занимаюсь благотворительностью... иногда... в основном по пятницам, но с некоторыми... гм... интимными проблемами помочь не смогу. Даже не просите. Сочувствую, но не смогу. Мы не настолько близко знакомы. Так что придется вам терпеть, пока слуги не вернуться.

И вот тут я впервые увидела, как свирепеют эльфы, — раньше всерьез считала, что у них все эмоции, кроме выскомерия, давно атрофировались. За ненадобностью. Как рудимент. Мы даже с друзьями поспорили.

Но этот эльф определенно был неправильным.

Плотно сжатые губы побелели, ноздри гневно расширились, на точеных скулах проступили желваки, а кончики ушей окрасились розовым. Мило так.

— Да как ты смеешь, человечка? — У-у-у, а голос какой ледяной, того и гляди заморозит. — Я высокородный эйр!

— Значит, с детства, — со вздохом подытожила я. — Примите мои самые искренние соболезнования. Тяжелый, наверное, диагноз... Это хоть лечится?

Глаза мужчины опасно сверкнули. Васильковое пламя взметнулось, разгораясь, и вдруг потухло, исчезло, словно его и не было.

— А ты забавная, человечка... Необычная. Это, пожалуй, любопытнее, чем я думал, — протянул высокородный заинтересованно, почти одобрительно. И улыбнулся.

Улыбка мгновенно преобразила его лицо, придав на удивление живое, чувственное, немного лукавое выражение, так контрастирующее с привычной надменностью эльфов. У меня от подобного зрелища даже дыхание перехватило.

А собеседник вдруг стремительно подался вперед, сокращая расстояние, и отчеканил:

— Эт-лэрто.

Над нашими головами коротко громыхнуло, словно в небе собиралась гроза — неожиданно так, посреди зимы, — и в ту же секунду запястье обожгло нестерпимым холодом, заставив меня ойкнуть и отшатнуться.

— Срок — до заката. Надеюсь, ты проявишь благоразумие, человечка, и явишься прежде, чем печать сработает, — опалил ухо вкрадчивый шепот.

И этот... на всю голову эйр выпрямился, еще раз улыбнулся, теперь уже торжествующе, победно, заложил ладони за спину, в два шага обогнул меня и исчез за углом.

Впрочем, я на его уход почти не обратила внимания. Не до этого было.

Дернула вверх рукав плаща, расстегнула манжет платья и недоуменно уставилась на запястье. Вернее, на появившуюся там татуировку — аккуратную такую, небольшую,

но при этом очень искусную. Тонко очерченный круг, а в нем — затейливая вязь орнамента, складывающаяся в загадочную надпись.

Это еще что такое?

Символы совершенно неизвестные — вызывают лишь какие-то смутные ассоциации, не больше, и это еще одна странность. Я прекрасно понимаю всеобщий и читаю на нем без проблем. Пожалуй, даже бегло.

Осторожно провела по узору подушечками пальцев. Раз, другой... Потерла сильнее... Никакого эффекта. Впрочем, не стоило и надеяться, что «украшение» можно так легко убрать — слишком уж довольная улыбка была у высокородного. Надо у куратора спросить, что это за язык, да и мою натальную живопись показать не мешает. Пусть разбирается.

Куратор...

Встреча...

Черт, опаздываю же!

Я отпустила рукав, подхватила полы платья и рванула вперед. Потом разберусь, что к чему, а заодно узнаю, как зовут неправильного... эйра. Кто он вообще такой и где обитает.

«Придешь после обеда в мои покои... Срок — до завтра», — передразнила сердито.

А адрес кто говорить будет? Не то чтобы я собиралась навещать эльфа — даже мысли об этом не мелькнуло. Но стало любопытно... Если комнату не указал, значит, считает, что его все в академии и так должны знать.

«А фамилия моя слишком известная, чтобы я ее называл».

М-да...

Кто же он такой?

Резкий порыв ветра ударил в лицо, и я, поморщившись, натянула капюшон поглубже.

Эх, шла бы себе по теплым, надежным коридорам — чинно, благородно, как ходят все в этой престижной академии, и ничего бы не случилось. Но увы... Марр сегодня с самого утра нервничал, злился. На уговоры не поддавался и негодуяще фыркал, стоило приблизиться. Чтобы умиловать его, понадобилась вся моя изобретательность, хитрость, лесть, а главное — время, вот и пришлось остаться.

Надеюсь, Александра скажет куратору, что я задерживаюсь... Или Сэм. В общем, кто-нибудь из друзей точно предупредит мэтра Канаги. Да и идти осталось недолго. Вон за той аркой — небольшая терраса, а там до нужной аудитории рукой подать.

На террасе оказалось неожиданно многолюдно, то есть многоэльфно. И в этот раз, видимо для разнообразия, первородные мне попались вполне традиционные: ушастые, голубоглазые, золотоволосые. Классические, так сказать.

На меня гордые сыны расы «уклюжих» не обратили ни малейшего внимания, как будто на них регулярно выпадают из арок взьерошенные девицы с задранной почти до колен юбкой. Даже бровью в мою сторону не повели. Они были целиком и полностью поглощены очень важным делом: ловлей мелкого, яростно шипящего существа, похожего на стрекозу-переростка. Существо смазанной тенью металось по террасе и усердно махало тоненькими полупрозрачными крылышками, стараясь не угодить в сверкающие, явно зачарованные сети. Но эльфы всякий раз оказывались быстрее и снова вставляли у него на пути со своими магическими путами.

Вот это чудо, в отличие от его преследователей, меня почти сразу заметило и отреагировало с какой-то панической радостью. Отчаянно заверещало, метнулось ко мне, юркнуло за отворот плаща и затаилось где-то в районе шеи, царапая коготками кожу.

Стрекоза с когтями?

Мамочки!..

Я и так-то насекомых не очень люблю — сложные у меня с ними отношения, а тут вообще мутант какой-то.

Взвизгнула, рванула завязки плаща, пытаюсь стряхнуть подселившееся ко мне «нечто». Черт бы побрал эту неудобную местную одежду — волшебных артефактов полным-полно, а обыкновенную молнию так и не удосужились до сих пор придумать.

Незванный гость, поняв, что я собираюсь сделать, вцепился, похоже, уже не только когтями, но и зубами. По крайней мере, мне так показалось.

А эльфы... Эльфы слаженно повернулись в нашу сторону. Повисла недобрая пауза.

— Верни! — грозно потребовал один из перворожденных.

— Это наша добыча, — так же повелительно добавил другой.

Я бы, конечно, вернула — мало ли у кого какие экзотические питомцы бывают. Но слово «добыча» сразу насторожило. Да и стрекозел неожиданно жалобно пискнул, мелко затрясся и буквально распластался по моему телу. Он явно не желал возвращаться к «охотникам».

И я поняла: не смогу, просто не смогу его выдать, и все тут.

— Не отдам.

Упрямо мотнула головой, отступила и накрыла малыша ладонью, прижимая к себе.

Эльфы шагнули вперед, слаженно так, угрожающе. Мелкий еще раз пискнул, где-то там, под моей рукой, а мне внезапно захотелось истерически рассмеяться — от абсурдности ситуации. Утро еще не закончилось, а я уже успела нажить себе столько врагов. И каких!

Почувствуй себя д'Артаньяном, называется. Тот тоже, помнится, в первый же день умудрился нарваться на три дуэли разом.

Сейчас очередные высокородные в отместку понаставят на мне свои печати — и окажусь я с ног до головы в татуировках. Останется только выйти на площадь перед центральным входом в академию и кричать в рупор:

— Кому я тут должна? Всем прощаю! Не хотите? Тогда в шеренгу по одному становись! Не толпитесь, соблюдайте безопасную социальную дистанцию, мойте руки перед... гм... ну, это, пожалуй, пропустим. В общем, в очередь, уважаемые господа, в очередь...

Эльфы сделали еще один шаг.

Стрекозел чуть слышно заскулил, завозился и намертво впечатался в тело, собираясь, похоже, во мне раствориться.

Я, мысленно проклиная все на свете, набрала в грудь воздуха... Но сказать ничего не успела.

Запястье снова полоснуло холодом, и в воздухе возникло серебристое облачко — красивое, пушистое, совершен-

но безобидное на вид. По крайней мере, мне так показалось. А вот у перворожденных имелось на этот счет совершенно иное мнение.

Они побледнели и резко остановились, словно споткнулись на ровном месте. Затем переглянулись, коротко поклонились — причем непонятно кому: то ли мне, то ли облаку, а может, вообще татуировке, — и, развернувшись, молча скрылись за дверью, ведущей с галереи в учебный корпус.

Облако с легким хлопком исчезло. Стрекозел молнией выметнулся из-под плаща, радостно выкрикнул что-то, подозрительно напоминавшее задорное «ура», и унесся прочь, скрывшись за снежной пеленой снаружи. Даже не позволил себя как следует рассмотреть.

А я осталась одна. Нет, с татуировкой. И с вопросом.

Эта печать... она что, меня еще и охраняет?

Дальше я двигалась уже с некоторой опаской — просто не представляла, чего еще ожидать. Но, видимо, судьба исчерпала лимит приготовленных на утро гадостей, а может, затаилась, готовя что-то особенно пакостное. Так или иначе, до аудитории я добралась быстро и без происшествий.

Свернула в учебный корпус, бодрой ланью проскакала по совершенно пустому коридору, открыла высокую резную дверь, скользнула внутрь и настороженно огляделась.

Так...

Сэм, Сашка, Полли, мэтр Канаги — ведущий преподаватель академии и по совместительству куратор нашей группы... В общем, все свои, ни одного постороннего, а главное — никаких эльфов, глаза б мои их не видели. Вернее, пусть видят — в принципе, я не против, — но на расстоянии. На очень большом расстоянии.

— Гхм... — раздалось от преподавательского стола.

Я, опомнившись, смущенно откашлялась и выпалила скороговоркой:

— Разрешите войти?

— Уже вошли, если мне не изменяет зрение, — прозвучало в ответ суровое.

Магистр Имарт Канаги, сухопарый мужчина неопределенного возраста с тонким крючковатым носом и собран-

ными в куцый хвостик темными волосами, шагнул ко мне, придирчиво осмотрел с головы до ног и все тем же неласковым тоном констатировал очевидное:

— Вы опоздали, Валерия.

— Простите, мэтр, — покаялась я. — Так получилось... Марру тяжело адаптироваться, он пока не привык, поэтому...

— Да, мне сказали, что у вас проблемы с фамильяром, — нетерпеливо перебил Канаги. — Это вас, конечно, извиняет. Но опаздывать в такой день, перед самой церемонией выбора — верх легкомыслия.

Магистр выпрямился. Мне даже показалось, что он сейчас торжественно возденет к небу, вернее к потолку, руки. Но нет, сдержался, слава богу, лишь многозначительно произнес:

— Вы же знаете, что вам предстоит.

Вот именно, что знаю, причем от того же Канаги. Он нам уже успел раз сто поведать о грядущей церемонии. В деталях и самых красочных подробностях. Ночью разбудил — отбарабаню без запинки, практически наизусть. Думаю, перед моим приходом он как раз повторял все в сто первый раз, так что я немного потеряла.

Но говорить об этом не стала. Магистра тоже можно понять: первая группа иномирян в древних стенах Эртдора — самой известной магической академии, и он — ее куратор. Бедный Канаги, представляю, как отчаянно он отбивался от этой сомнительной чести. Но его догнали, скрутили и таки назначили. И теперь мэтр отвечал и за нас, и за то, чтобы все прошло идеально.

Да, я прекрасно его понимала, сочувствовала даже, поэтому не спорила. Надела на лицо самую скорбную из своих гримас и виновато опустила голову. Надеюсь, мое раскаяние выглядит достаточно правдоподобно.

— Садитесь, Валерия, — вздохнув, махнул рукой Канаги. Дождлся, пока я займу место рядом с Сашкой, и назидательно продолжил: — А с фамильяром надо поостроже. Если сами не справляетесь, обратитесь к магистру Фагиузу. У него огромный опыт работы с магическими существами.

— Боюсь, в случае с Марром магистр вряд ли поможет, при всем к нему уважении, — хохотнул сидевший пе-

редо мной Сэм. — Марр ведь не просто фамильяр, а пэт¹. А пэты — они, знаете... очень страшные существа. Опасные, коварные и совершенно непредсказуемые. Фагиуз точно с подобными еще не сталкивался.

Александра тихонько фыркнула, даже Полли, как ни старалась, не смогла сдержать улыбку. Обе были хорошо знакомы с Марром.

Куратор нахмурился, явно собираясь что-то сказать, но не успел. Лежавшая на его столе небольшая хрустальная сфера заискрилась, мелодично тренькнула, и строгий мужской голос отчеканил:

— Магистр Канаги, зайдите к ректору. Срочно.

Мэтр недовольно покосился на сферу, перевел взгляд на нас и, буркнув: «Скоро вернусь. Ждите», стремительно вышел.

Повисла недолгая пауза, а затем Сэм повернулся ко мне и весело поинтересовался:

— Ну, Лер, что у нас плохого?

Молча вытянула вперед руку, и в аудитории повисла тишина: все заинтересованно изучали мое запястье. Я тоже воспользовалась паузой, чтобы еще раз осмотреть доставшуюся мне нежданно-негаданно печать.

Ажурная вязь рун выглядела так естественно и органично, словно всегда была на этом самом месте. Аккуратно, изящно, завораживающе — настоящее украшение. При этом рисунок слегка мерцал, и казалось, что кожу посыпали пудрой с блестками. Можно залюбоваться, если не знать, конечно, как татушка мне досталась.

— Миленько, — отмерла наконец Сашка.

— Красиво! — горячо запротестовала менее сдержанная в эмоциях Полли.

Она вообще, как сорока, велась на все блестящее и яркое. На наряды здешних дам, их драгоценности, на вычурные безделушки в витринах местных магазинов. И на эльфов, разумеется: Полли отчаянно мечтала познакомиться поближе хоть с одним из первородных, как мы ее ни отговаривали. Вот и теперь она просто на месте подпрыгивала от восторга.

¹ Пэт, от *англ.* pet — домашнее животное, питомец. (*Прим. авт.*)

— Хочу такую же. Где взяла? Как получить?

— Как получить? Элементарно, — нарочито небрежно отмахнулась я. — Главное условие: нужно очень спешить. Набираешь скорость, несешься со всех ног, заворачиваешь за угол и — внимание, дальше очень важно! — с размаху впечатываешься в эльфа. Желательно высокородного... эйра... а лучше вообще неправильного. Да, неправильный высокородный эйр — то, что требуется. Так вот, сталкиваешься ты с ним, и готово, даже извиняться не надо. Дальше эльф все сделает сам. И поблагодарит, и скажет, что он о тебе думает, причем в самых красочных эпитетах, и татушку вот эту подарит. На радостях, угу.

Полли прикусила губу, явно ощущая в моих словах подвох, но пока не улавливая, в чем он. Мы с ней хоть и говорили сейчас на одном языке, но на Земле родились и выросли в разных странах. Определенные культурные различия между нами все-таки существуют.

А вот Сэм и Александра понимали меня мгновенно, с полуслова. А что не понимали — отлично чувствовали.

— А если серьезно? — помрачнел Семен. — Что у тебя стряслось, Лер?

— Да, Лерик, давай, колись, — подхватила Сашка, покосилась на Полин и быстро исправилась: — Признавайся.

Ну, я и призналась. В деталях и подробностях, даже про стрекозла неблагодарного упомянуть не забыла.

После моего рассказа снова воцарилась тишина. Только не заинтересованная, как прежде, а напряженная такая, зловеющая. Даже Полли уже не улыбалась, а недоуменно хмурилась.

— Значит, эльф захотел большой, но чистой любви? — недобро протянул Сэм.

— Любви вряд ли, и насчет большой имеются сомнения, а вот чистой — точно, — хмыкнула я, вспомнив, зачем меня, собственно, приглашали. — Он тот еще чистюля озабоченный... В смысле глубоко озабочен вопросами чистоты вверенного ему помещения.

— А ты объяснила, что не одна придешь, а с другом? От всей души его... гм... благословить, раз уж он тебе такое ин-

Мой лунный эльф, или Как не влюбиться по уши

тересное предложение сделал? — деловито осведомился Сэм и многозначительно посмотрел на свои кулаки.

— Не успела. Высокородный мне инструкции выдал и тут же сбежал.

— Ну, значит, ждет его большо-ой сюрприз, — кровожадно оскалился приятель. — Дырку от бублика он получит, а не служанку к себе в «номера».

— Мы все пойдем к эльфу? — оживилась Полли. — Правильно. Леру нельзя одну оставлять.

— Не волнуйся, Поль, никуда я идти не собираюсь. А если эйр решит настаивать...

— Будет иметь дело со мной, — припечатал Сэм.

— С нами, — уточнила молчавшая до этого Сашка.

Полли поколебалась, но все-таки кивнула, присоединяясь к общему решению.

— Но Канаги предупредить надо. — Семен бросил хмурый взгляд на татушку. — Слышишь, Лер? Он наш куратор, обязан помогать.

— Конечно предупрежу. Сама собиралась. Вот сейчас он вернется, и все ему расскажу.

Но рассказать я не успела.

Глава 2

Когда магистр опрометчиво пообещал нам скоро вернуться, он явно не рассчитывал надолго задерживаться у ректора. Но что-то пошло не так, и я даже примерно представляла что.

У меня было целых три версии.

Неправильный эльф, изнемогший в борьбе с разрухой в собственных покоях, самолично явился к мэтру Анселлусу, почтенному руководителю академии, чтобы заявить о творящемся безобразии. Мол, он, высокородный эйр, гибнет во цвете лет под тоннами скопившейся за день пыли. В комнату не войдешь, да что там не войдешь — дверь просто так не откроешь, все сразу сверху сыплется. А избранная им служанка до сих пор нагло пренебрегает своими прямыми обязанностями. Безобразие!

Или группа ушастых, у которых я случайно умыкнула стрекозла, успела наябедничать ректору, что какая-то «человечка» подло похитила их любимого питомца, законную добычу, ценный результат очень важного для родной академии эксперимента — нужное подчеркнуть.

А может, сам стрекозел влетел в открытое окно ректорского кабинета и на радостях расколотил там все, что под крылья попало, и затем доверительно сообщил Анселлусу, с чьей легкой руки оказался на свободе и творит подобные безобразия. Кого, так сказать, начальству теперь за все благодарить нужно.

В общем, предположения, почему куратор задержался, у меня имелись — правда, ни одно из них не сулило мне ничего хорошего. Я даже оправдательные ответы уже успела сочинить. На всякий случай.

Через сорок минут, когда мы уже не на шутку начали волноваться — церемонию все-таки никто не отменял, — дверь с грохотом распахнулась, и в аудиторию ворвался взъерошенный, крайне возбужденный Канаги. Я нашего сдержанного, чинного наставника раньше таким не видела.

Магистр добежал до своего стола, схватил лежавшие там бумаги, повертел их в руках, с досадой отбросил в сторону, выдохнул, на мгновение прикрыл глаза и произнес:

— Пора... — И сразу же, почти без остановки: — Валерия, нам надо поговорить.

— Надо, магистр, — мрачно согласилась я. — Сама собиралась вам ска...

— Потом, — нервно перебил наставник. — Сейчас нет времени, мы и так опаздываем... Ну что же вы сидите, адепты? Церемония вот-вот начнется. Все уже собрались. Идемте! Да скорее же... Скорее...

Академия казалась вымершей. Похоже, в ней действительно никого, кроме нас, не осталось.

Мы спешили по пустым, гулким коридорам вслед за Канаги, как цыплята за хлопотливой, озабоченной наседкой, и слушали его сбивчивую речь.

— Сначала торжественная часть: выступление архимагистра Анселлуса, кураторов курсов, наиболее отличившихся адептов. Потом начнется ритуал. Жрец откроет купол храма Судьбы и выпустит искры предназначения. Это очень красивое зрелище. Необыкновенное. Когда вы увидите... гм... впрочем, речь сейчас не об этом... Надеюсь, вы не станете, подобно некоторым слишком впечатлительным первогодкам, визжать, прыгать на месте и пытаться их поймать. Это глупо и бессмысленно. Искры сами отыщут тех, кто им нужен, вам достаточно просто вытянуть вперед руку, раскрытой ладонью вверх, и спокойно ждать. Когда искра почувствует своего адепта, она сама опустится к нему и впитается под кожу. Все ясно?

— Да-а-а, — нестройно подтвердили мы.

Все это нам сообщали далеко не первый раз, так что ничего нового мы не услышали.

— У каждого из вас есть магия, иначе не зачислили бы в группу, — продолжал тем временем Канаги. — Скорее всего, вы попадете на бытовой факультет или целительский. Возможно, к прорицателям. На боевой вряд ли примут, подготовка не та. Ну, о так называемом эльфийском факультете и говорить не стоит. Люди там учатся крайне редко, за все века человек пять счастливиц наберется, не больше. Сейчас вообще ни одного нет. Давно уже не было. Так что даже не мечтайте.

Полли горестно всхлипнула, а я чуть не подскочила от радости и облегчения. Мечтать о том, чтобы попасть к эльфам? Ну уж нет. Я и раньше-то по перворожденным не фанатела, а теперь — тем более. По мне, так чем дальше от них, тем лучше.

Перед высокой резной дверью Канаги замедлил шаг, развернулся, вынуждая всех остановиться. Окинул строгим взглядом «стройные ряды» подопечных, как полководец — войско перед решающей битвой, а затем распахнул створки, пропуская нас во внутренний двор академии. Вернее, на главную ее площадь, по форме напоминавшую гигантскую звезду.

Лучи-дорожки, посверкивая на солнце разноцветной каменной мозаикой, вели напрямик к башням факультетов, располагавшимся по углам этой звезды, а также к основному учебному корпусу и храму Судьбы. Обычно площадь пустовала, насколько я успела заметить в предыдущие дни, сейчас же, наоборот, оказалась до краев заполнена народом. Похоже, здесь собрались все студенты и преподаватели Эртдора. Хотя, скорее всего, так и было.

Белые, зеленые, красные, синие... — мантии всех цветов, от которых очень быстро начало рябить в глазах.

А в центре этой радужной вакханалии испуганно-восторженной стайкой сгрудились первокурсники в таких же, как у нас, невзрачных, почти бесцветных серых плащах, резко выделявшихся на общем ярком фоне. Новички Эртдора. Им предстояло участвовать в церемонии выбора, получить желанную искру и узнать наконец, на каком факультете предстоит учиться долгие восемь лет. Чем заниматься всю дальнейшую жизнь.

К этим «избранникам судьбы» и повел нас Канаги.

— Идут...

— Смотрите...

— Чужаки...

— Тоже сегодня выбирают?

— Конечно. Предназначение же, — прошелестело в толпе, и неразборчивый, монотонный гул над площадью мгновенно стих, сменившись оглушительной, почти осязаемой тишиной.

Нас изучали со всех сторон, с ног до головы, всех вместе и каждого по отдельности. Тысячи взглядов — испытующих, любопытных, опасливых, настороженно-недоверчивых, а то и вовсе неприязненных. А вот безразличных точно не было. Еще бы, первые иномиряне в стенах Эртдора. Если бы к нам в университет занесло с десятков магов или хотя бы парочку эльфов, я бы, наверное, так же на них пялилась.

Наша четверка поравнялась с «серыми», остановилась. Мы с Сашкой кивнули, здороваясь, Семен оскалился в дружелюбной улыбке, и адепты испуганно прыснули в разные стороны. Одна девушка так спешила, что споткнулась и чуть не упала, хорошо, Сэм успел подхватить ее. Придержал, помог устоять на ногах, и первокурсница замерла, испуганно глядя на него снизу вверх огромными круглыми глазницами. Как кролик на удава, честное слово.

— Не волнуйся, — доверительно наклонился к ней мой приятель. — Я детишками не питаюсь, тем более такими тощими. Специализируюсь исключительно на дамах... гм... более зрелых, фигуристых. А последнее время у меня вообще исключительно постные дни. Так что расслабься, ребенок. Не съем.

И вот девушке действительно бы успокоиться после таких-то обнадеживающих обещаний, а она вдруг вспыхнула, сердито засверкала из-под ресниц желтыми, как у кошки, глазами и возмущенно выпалила:

— Никакая я не тощая. Сам ты... Ты... — На этом все слова у нее закончились, а Сэм вдруг рассмеялся. Но не обидно, а мягко, как-то ласково, что ли. Почти восхищенно.

Окружающие тоже начали улыбаться, облегченно зашевелились. Исчезло сковывавшее всех напряжение.

Сашка весело хихикнула, подмигнула мне, а меня, вопреки всему, вдруг охватило странное беспокойство. Так бывает, когда внезапно чувствуешь на себе чужое внимание. Ощущаешь его физически. Будто кто-то мягко провел подушечками пальцев по позвоночнику сверху вниз. Еще раз. И еще.

Я на секунду замерла, потом медленно обернулась и не сдержала судорожного вздоха.

Эльф... Тот самый, неправильный.

Он стоял среди адептов своего факультета — вроде бы вместе с ними и в то же время чуть в стороне, как бы сам по себе, — и его темный с серебряной оторочкой плащ резко контрастировал с белыми, почти ангельскими хламидами соплеменников. Казалось, в стаю утонченных голубей по ошибке угодил могучий черный орел. Стремительный, хищный и очень недобрый, судя по тому, как он на меня смотрел.

А смотрел эльф не отрываясь, не обращая внимания на то, что творится вокруг, словно на площади никого, кроме нас двоих, не было. И столько всего смешалось в его взгляде... Неверие, изумление, темная ярость и еще что-то — глубоко скрытое, почти неуловимое, чему я не могла найти определения.

Я замерла на несколько мгновений, зачарованно наблюдая за сменой эмоций на лице высокородного. Он тоже не двигался. Между нами словно протянулась какая-то незримая нить. А потом к эйру шагнула удивительно красивая эльфийка, мягко дотронулась до локтя, что-то нашептывая, и связывающее нас странное притяжение исчезло.

Я тряхнула головой, сбрасывая оцепенение, и почему-то рассердилась.

Чего он на меня уставился? Что ему нужно? Гадает, почему я здесь, на площади, а не в его комнатах? Так до вечера еще далеко, а в церемонии в любом случае обязаны участвовать все адепты академии. Или ему не понравилось, что я не просто студентка, которой можно нагло диктовать свою волю, а иномирянка, и мои права гарантирова-

ны особым договором между Землей и Валгосом? Такой вот неприятный сюрприз для всяких... с рождения страдающих тяжелой формой высокородности.

Эльфийка тем временем прильнула к мужчине, даже привстала на цыпочки, почти касаясь губами его уха. Эйр обвинил ее рукой за талию и, по-прежнему не сводя с меня глаз, чуть наклонил голову, чтобы лучше слышать, что там соседка ему воркует. А я разозлилась еще больше.

Я сегодня лишь на секунду до него дотронулась, да и то случайно, и он от меня шарахнулся, как от прокаженной, а ее сам хватает за что придется. Конечно, она же не какая-нибудь «неуклюжая человечка», которая только и годится, чтобы пыль протереть. Один раз. Это достойная, абсолютно идеальная представительница ушастого племени, она наверняка ему все протирает на постоянной, так сказать, основе. Причем совершенно добровольно.

Вот пусть и дальше как-нибудь без меня справляются. А если эльф считает, что ему удалось запугать меня своей татушкой и испепелить грозным взглядом, то это он просто еще землян плохо знает.

Нет, я не стала морщиться или демонстративно кривиться, наоборот — расправила плечи, вскинула подбородок и улыбнулась. Широко так, приветливо. А потом еще и рукой эльфу помахала, как старому знакомому. Тот дернулся как от пощечины, и в этот момент Семен положил ладони мне на плечи, притягивая к себе. Эйр перевел взгляд на Сэма, лицо его на миг потемнело, потом стало абсолютно непроницаемым, будто заледенело, и он резко отвернулся.

— Лер, это он?

— Угу, — кивнула я, безошибочно угадав, о чем спрашивает приятель.

— Нестандартный какой-то.

— Не то слово.

— Оч-чень интересный, — протянула Полли.

— Это вы о ком? — завертела головой девушка, которая недавно чуть не упала на Семена. Она так и осталась стоять возле нас и, похоже, уже полностью освоилась в иномирной компании.

— Вон о том, беловолосом. Который и на эльфа не очень-то похож. — Сашка указала на эйра, и первокурсница ойкнула.

— Так это же эйр Торэт, — пояснила она, снова смешно округлив глаза. — Берриан Торэт из Дома Лун...

Договорить она не успела. В воздухе ударом гигантского гонга пронесся низкий, тягучий звук, заглушая ее тихий голос. Церемония началась.

Воздух над небольшим возвышением, у которого выстроились первокурсники, замерцал и собрался в призрачную сферу, переливавшуюся размытыми, танцующими на ветру перламутровыми бликами. Казалось, перед нами водрузили гигантский стеклянный шар — такой, знаете, со снегом внутри. Этот шар рос, рос, а потом вдруг беззвучно рассыпался, растаял на наших глазах, обернувшись морозным туманом, и оставил на возвышении статную фигуру архимагистра Ларда Анселлуса, знаменитого руководителя не менее знаменитой академии Эртдор.

Ректор откашлялся, шагнул вперед и начал говорить.

Его выразительный, магически усиленный голос эхом разнесся над рядами притихших студентов. А туман портового перехода, вернее, то, что от него осталось, поднялся вверх и накрыл площадь, превратившись в прозрачный, мягко светящийся купол над нашими головами. Теперь все мы оказались внутри того самого огромного рождественского шара. Снаружи завывал ветер, похоже, опять надвигалась метель, а у нас было тихо, тепло, и сверху, в уютном золотистом сиянии, медленно падали крупные, почти сказочные снежинки, но, не долетая до наших голов, таяли.

Удивительно красивое зрелище. Теперь я понимаю, почему церемонию выбора называли также первым зимним праздником. Действительно, праздник.

Вообще, вступительные экзамены во все академии этого мира проводились в одно и то же время — на исходе весны, а потом начиналось подготовительное полугодие. Бывалые студенты отпраивались на каникулы до начала следующего учебного года, то есть до дня осеннего равно-

денствия. А «новобранцы» старательно занимались, чтобы к первому зимнему месяцу сдать все предметы так называемого нулевого цикла и подготовиться к посвящению. Только после него, определившись с факультетом и направлением магии, они могли называться настоящими адептами.

Обычно первогодки до церемонии жили и учились отдельно от остальных студентов, но на территории своей академии. Для землян сделали исключение. Нас собрали всех вместе, в специальном центре, и только совсем недавно распределили по университетам и академиям этого мира. Мне, Сашке и Сэму «повезло» — мы совершенно неожиданно угодили в элитный столичный Эртдор, хотя остальных рассовали по провинциальным, далеко не самым престижным и популярным учебным заведениям. Да еще и Полин почему-то к нам пристроили.

Нет, мы не возражали. Свои тараканы у Полли, разумеется, были, куда ж без этого, но в принципе она оказалась вполне нормальной девушкой. Просто группы формировались еще на Земле, каждая в своей стране, и уже не менялись. И только наша получилась вот такой, сборной.

Так или иначе, несколько дней назад мы в сопровождении магистра Канаги прибыли к новому месту учебы и теперь наравне с другими первокурсниками готовились обрести каждый «свою» искру, а вместе с ней мантию нужного цвета, а чуть позже — и фамильяра.

Магические помощники имелись у всех адептов Эртдора — привилегия старейшей человеческой академии, — но эльфам, по слухам, доставались самые сильные и необычные из них. Перворожденные гордились своими фамильярами, хвастались ими, как люди титулами и состоянием, устраивали на них самую настоящую охоту и приманивали всеми возможными способами.

Интересно, каких помощников получают мои друзья?

Мне на такое чудо рассчитывать не приходилось, у меня уже имелся один... гм... фамильяр. Ну, если честно, не совсем фамильяр, то есть совсем не фамильяр, но я сама настояла на кандидатуре Марра, и больше помощника мне, увы, не полагалось.

Ничего, обойдусь как-нибудь, все равно выбора не было. Не могла же я бросить зверя одного, в самом деле?

Мэтр Анселлус между тем говорил и говорил: о величии родной академии, о том, как всем нам повезло родиться магами, о долге, чести, ответственности и прочем. Замечательно, надо признаться, выступал, продуманно и проникновенно. Купол все также приглушенно мерцал, снег падал, а студенты почтительно внимали речам своего ректора, и мантии их эффектно выделялись на фоне падающего, подсвеченного золотистыми искрами снега.

Особенного хороши были эльфийские плащи: ни единого пятнышка, идеально, безукоризненно белые. Образцово-показательные. Казалось, от них тоже исходит какое-то сияние.

Первородные что, знают тайное заклинание очищения или специальным магическим порошком одежду стирают?

Так и чудилось: вот сейчас один из остроухих выскочит вперед, спихнет архимагистра с подиума, выхватит из-за пазухи знакомую разноцветную упаковку, потрясет ею в воздухе и, сверкая профессиональной улыбкой, радостно заорет:

«Вы все еще не белый и пушистый? Тогда мы идем к вам!»

Высокородный... как там его... совершенно не вписывался в белоснежную компанию своих собратьев. Я в этом еще раз убедилась, осторожно покосившись на эйра. Не то чтобы меня так уж тянуло на него смотреть, но интересно же, чем он там занимается.

Любитель разбрасываться татуировками по-прежнему стоял рядом все с той же эльфийкой и, благосклонно улыбаясь, слушал ее, изредка кивая или коротко отвечая. Стихи она там ему наизусть читает, что ли? Или хвалебную оду в его честь? Угу... собственного сочинения.

С другого бока к эйру успела за это время подкрасться еще одна девица, не менее красивая и ушастая, чем первая. Теперь она настойчиво пыталась вмешаться в беседу, но, похоже, у нее не было ни единого шанса. Девушка понимала, что безнадежно проигрывает, и бросала на соперницу откровенно злые взгляды. Та отвечала тем же — когда высокородный не видел.

Между дамами явно имелись давние разногласия. Наверное, не смогли договориться об очередности: в какой последовательности и как часто каждая из них удостоится великой чести — протирать пыль в комнате Тор... Тер...

Опять забыла, как его зовут. А ведь эйр, судя по всему, личность действительно популярная и всем, кроме нас, известная.

— Послушай... — Я дернула за рукав первокурсницу. Очень уж хотелось подтвердить внезапно возникшую догадку. — А ты знаешь, где живет этот Берри?

— Берри? А... Берриан Торэт?

— Да.

— Разумеется, — кивнула девушка. — Все знают. Эльфийская резиденция, башня...

— Тише! — сурово шикнул из-за наших спин магистр Канаги. — Мешаете.

Соседка поморщилась, виновато развела руками и отвернулась.

Да что ж такое? Парой предложений обменяться не дадут — сразу рот затыкают. А эйр, между прочим, вовсе любезничает со своими девицами, не обращая ни малейшего внимания на ректора — и никто ему слова не скажет.

Я снова взглянула на высокородного, рассердилась на себя за это и мысленно поклялась больше в его сторону ни за что не смотреть — хоть он там взорвись на месте.

Увы, обещания сдержать не удалось.

Ректор закончил говорить, после него с короткими напутственными речами выступили какие-то неизвестные мне наставники, а потом...

— Эйр Торэт, — неожиданно прозвучало над площадью.

Адепты приглушенно охнули — кто с восторгом, кто с завистью, и на возвышение стремительным черным вихрем взлетел Берриан, снова приковывая к себе всеобщее внимание.

— По традиции первокурсников приветствуют старшие ученики, лучшие из лучших. Чтобы новички поняли, на кого им предстоит равняться, — торжественно провоз-

гласил добровольно сдавший свои позиции мэтр Анселлус. — Берриан Торэт — сильнейший адепт, гордость Эртдора и победитель ежегодных академических игр. Уверен, он не нуждается в представлении. Вы все и так его знаете.

— Оу-у-у... — прокатилось по рядам первогодков согласно-восхищенное. И только наша группа хранила насмотренное молчание.

Равняться на бесцеремонного эльфа, каким бы прекрасным он ни оказался, почему-то не хотелось. Впрочем, как и ему приветствовать нас — это было видно по всему. Нет, эйр ничего лишнего себе не позволил — ни оскорбительного слова, ни взгляда. Он просто проигнорировал большинство первокурсников, сосредоточившись исключительно на небольшой группе новичков-эльфов.

Им же и сказал, коротко и по-военному четко:

— Рад будущим коллегам.

И все. Я уже подумала, что он сейчас развернется и исчезнет, даже успела облегченно выдохнуть, но эльф медлил и не спешил радовать меня своим уходом. Заложил руки за спину, качнулся с пятки на носок, лениво осмотрел притихшую площадь и... Да-да, опять задержал взгляд на мне.

— Как выяснилось, в Эртдоре теперь учатся иномиряне, — произнес он таким тоном, что сразу стало ясно: лично его подобный «подарок» руководства академии не особенно вдохновляет. А уж то, что потенциальная уборщица оказалась в рядах чужаков — тем более. — Что ж... Мы с интересом будем следить...

Тут эльф — с детства и на всю голову высокородный — намеренно сделал паузу. Усмехнулся, нехорошо так, многообещающе, и закончил:

— ...за их успехами.

Прозвучало это достаточно зловеще, а то, что эйр при этом не сводил с меня глаз, вообще не внушало оптимизма. Я совсем уже напряглась, но тут...

— Хорошо говорит интурист, — иронично хмыкнул за моей спиной Сэм.

— Ага, красиво, — тут же подхватила Александра. — А вот о чем конкретно, пес его знает. Ничего, разберемся.

Я фыркнула и мгновенно расслабилась. Умеют все-таки Семен с Сашкой поддержать в трудную минуту. С такими друзьями ничего не страшно — даже конец света можно пережить, если понадобится, не то что недовольство какого-то там эльфа. Пусть и лучшего среди себе подобных.

И хотя туристами правильнее было бы назвать нас, а не эйра, но абсурдность ситуации позабавила. Представила его в шортах, легкомысленной рубашке, с профессиональной камерой на шее и, не сдержавшись, разулыбалась. Прямо высокородному в лицо. Тот явно не ожидал подобной реакции на свою почти неприкрытую угрозу. И она, эта самая реакция, эльфу явно не понравилась.

— Ой, а почему Торэт так на тебя смотрит? — испуганно выдохнула рядом со мной знакомая уже первокурсница.

— У него на иномирян аллергия, — с грустью пояснила я. — Тяжелое заболевание, лечению практически не поддается. Еще мы, по его мнению, пыль плохо протираем, без рвения и должного энтузиазма. А у его высокородия к чистоте особо трепетное отношение.

— Да? — заинтересованно протянула соседка. Нравится она мне все-таки, надо будет потом поближе пообщаться.

И вот вроде бы тихо мы говорили, шепотом, но эйр, похоже, услышал. Свел брови, сжал пальцы в кулаки...

В общем, неизвестно, что случилось бы дальше, но тут внезапно ожили большие круглые часы, висевшие над входом в храм Судьбы. Пробили один раз, гулко, мощно, словно подавали команду кому-то невидимому, и в тот же миг храм вспыхнул, объятый причудливым, ослепительно-ярким пламенем. Огонь почти мгновенно перебрался на крышу здания, и та запылала, рассыпая в разные стороны радужные искры. Потом пламя стихло, открывая взглядам белоснежный, как и прежде, храм, а искры — вернее, даже не искры, а крохотные прозрачные шарики с разноцветными молниями внутри — понеслись в нашу сторону.

— Руки, — напомнил неусыпно бдевший за нами куратор, и мы с готовностью выставили ладони вперед.

Все неурядицы и проблемы, связанные с эльфом, оказались забыты — и в первую очередь сам Берриан Торэт. Как-

то стало вдруг безразлично, вернулся он к своим ушастым приятельницам или все так же стоит и пялится на нас с постаментов. Сейчас меня занимало только одно: искра... моя искра... Какая она?

Магистр Канаги не раз повторял, что беспокоиться не о чем. Мы маги, это уже проверено, а искр судьбы всегда ровно столько, сколько адептов участвует в выборе, — так что по факультетам распределяют всех. И тем не менее было немного страшно.

Первые искры-молнии уже опускались в протянутые навстречу руки, впитывались под кожу, и мантии на плечах «новобранцев» тут же менялись, окрашиваясь в разные цвета. Бежевый — у бытовиков, синий — у артефакторов, у алхимиков — коричневый и неизменно белый — у эльфов.

— Зеленый! — счастливо взвизгнула соседка-первокурсница, невероятно довольная своим изумрудным плащом.

Сашка тоже получила зеленую искру целителя. Полин — светло-голубую провидца. Тут все получилось, как и предсказывал куратор. А вот Сэм удивил: ему совершенно неожиданно, даже для нашего мэтра, досталась красная искра боевика. И когда плащ друга окрасился багрянцем, Канаги удивленно и уважительно покачал головой.

Со всех сторон неслись радостные крики — факультеты приветствовали теперь своих новичков.

Уже больше половины первокурсников определились с выбором, включая моих друзей. И только я все стояла и стояла с протянутой рукой, как нищенка на паперти, честное слово. Даже обидно как-то стало. Где там моя искра? Куда пропала?

И когда настроение совсем испортилось, прямо передо мной в воздухе неожиданно возникла... Нет, не долгожданная сфера, а знакомая фигурка, лихорадочно бьющая прозрачными крыльями.

Стрекозел!

В первый момент я решила, что у меня галлюцинации, и попыталась проморгаться, даже глаза потеряла свободной рукой. Не помогло.

Мой лунный эльф, или Как не влюбиться по уши

Мелкий, которого, похоже, кроме меня никто не видел, лихо затормозил на повороте, жизнерадостно оскалился, демонстрируя тонкие, острые зубы, и ткнул куда-то в бок когтистым пальцем. Я скосила глаза и заметила странный шар — абсолютно черный с серебряной молнией внутри. Среди своих радужных собратьев он явно выделялся и был единственный такого цвета.

Шар стремительно приближался, явно метя в меня, я недоуменно на него смотрела, и только стрекозел не растерялся: метнулся к подлетевшей искре и со всей дури пнул ее ногой, придавая ускорение. Сфера завертелась на месте, сердито загудела, а потом... Нет, не опустилась на руку, хотя я старательно тянула ее вперед, а с размаху ударила прямо в лоб, заставив пошатнуться.

Меня словно ледяной волной окатило, в глазах потемнело, дыхание оборвалось — хорошо, Сэм с Сашкой подержали, не дали упасть.

Когда через несколько секунд я пришла в себя, вокруг царил невероятная, просто-таки оглушительная тишина. И в этой самой тишине Полли пораженно произнесла:

— Лер, у тебя мантия черная с серебром, как у эльфа на трибуне. Больше ни у кого таких нет. Мэтр Канаги, а что этот цвет означает? О нем вы нам не рассказывали.

Глава 3

Она стояла серьезная, сосредоточенная, смешно хмурила брови, забыв обо всем на свете, в том числе и о его существовании, а он не мог отвести от нее взгляда. Как и тогда, несколько часов назад. Злился на самого себя и все равно не мог.

И ведь не было в ней ничего особенного, обычная человеческая девчонка, каких сотни. Худенькая, стройная. Темные волосы и глаза, незащитно-тонкая шея, нежный овал лица, забавные ямочки на щеках и маленькие, розовые от холода уши. Симпатичная, да, но среди людей встречались и поинтереснее, а уж с эльфийками точно не сравнить. Но ведь чем-то она его зацепила. Сразу, при первой встрече.

Там, на галерее, когда она коснулась его груди, Берриана словно огнем обожгло — остро, внезапно, неприятно-болезненно. Он даже отшатнулся от неожиданности. Бросил девчонке что-то резкое, а она, вместо того чтобы растеряться, смутиться, ответила... Да как ответила! И этот ее взгляд. Не трепетно-восторженный, каким обычно смотрели на него другие, а прямой, твердый, насмешливо-оценивающий, даже колочий, и уж точно совсем не восхищенный.

Это окончательно взбесило. А еще почему-то ужасно не хотелось отпускать девушку. И Берриан связал ее печатью долга, выбрав какой-то глупый, совершенно надуманный повод.

Пыль... Выходной у слуг... Смешно.

Да его резерва хватит, чтобы мгновенно разрушить и отстроить заново лунный дворец в Ильиэнмаре, не то что очистить до зеркального блеска несколько жалких

комнат в этой академии. Достаточно простого заклинания и легкого взмаха руки. А слуги ему только мешали — он прекрасно бы и без них обошелся, если бы они не требовались ему по статусу.

Берриан никогда не относился к людям с презрением или пренебрежением, как многие из его соплеменников, он к ним вообще никак не относился. Его люди совершенно не интересовали. А тут...

Он не узнавал сам себя. Но ведь ждал, с нетерпением ждал вечера и того момента, когда печать приведет к нему девушку. В том, что это случится, Берриан не сомневался, зову родовой печати нельзя противиться. Она придет, обязательно придет, и тогда... Что случится после того, как должница явится, он и сам не понимал, и это раздражало больше всего.

Зачем ему эта человеческая девчонка? Почему он вспоминал о ней, думал все это время? И здесь, на площади, в первую очередь начал искать в толпе взглядом и не успокоился, пока не нашел. Какое ему вообще до нее дело?

Иномирянка... Надо же. Теперь многое стало ясно — ее странное, необычное поведение, слова... Многое, кроме одного. Что его в ней притягивает? Хотя нет, имелся еще один вопрос. Что за тип рядом с ней топчется и нахально, по-собственнически руки ей на плечи кладет, а она улыбается при этом, тепло, мягко, а не иронично-язвительно, как ему, Торэту?

На миг кольнуло сожаление, что девушка не попадет к ним на факультет — тогда бы она постоянно находилась под его присмотром, подальше от всяких сомнительных типов, и он смог бы наконец разгадать загадку ее притягательности. Мысль мелькнула и погасла. Что толку сожалеть о невозможном? Она не эльфийка и никогда не получит белый плащ.

И все же Берриан поймал себя на том, что внимательно следит, какая искра достанется новой знакомой, хотя раньше не интересовался выбором людских магов, да и «белых», признаться, тоже. В душе росло возбуждение и какой-то странный азарт. Он даже начал строить предположения.

Целительница?

Не похоже.

Провидица?

Вряд ли.

Бытовичка?

Нет, это точно не для нее.

Берриан не отрывал глаз от девушки и поэтому сразу заметил искру, которой здесь, в этой людской академии, не могло быть. Просто не могло.

Черное с серебром... Цвета его клана. Но в Эртдоре нет сейчас избранных Луной. Вернее, есть, но они с дядей не в счет — их путь давно определен. Так какого же Марга?

Искра между тем, набирая скорость, целенаправленно неслась к иномирянке, в этом уже не оставалось сомнений.

Девчонка наконец тоже рассмотрела темную сферу. Глаза ее изумленно расширились, потом перед ней мелькнула какая-то крылатая тень, на мгновение закрывая девушку от Берриана, а когда он снова увидел ее, искры уже не было. Иномирянка стояла, чуть пошатываясь, бледная, ошарашенная, и ее медленно окутывала лунная магия.

Магия его клана.

* * *

— Такого просто не может быть. — Ректор прекратил мерить шагами комнату и, остановившись, резко развернулся к мэтру Канаги. — Не может! Понимаете? Это Марг знает что!

Я мрачно кивнула. И не важно, что обращался Анселлус к нашему куратору, а в мою сторону даже не смотрел. Суть дела от этого не менялась.

Это действительно черт знает что такое!

С какой стати мне досталась эта странная искра? Где обещанное целительство, прорицание, бытовая магия, наконец? Безопасные, полезные способности, необходимые в любом мире, хоть здесь, хоть на Земле. Где, я вас спрашиваю? Я бы даже от эльфийского факультета не отказалась, хотя учиться с этими высокомерными снобами то еще удо-

вольствие. Зато появилась бы возможность понаблюдать за ними вблизи, в естественной среде обитания. Описать повадки, привычки, составить русско-эльфийский словарь или в крайнем случае разговорник.

Да, с белым плащом я бы еще смирилась. Но быть одного цвета с этим... неправильным «уклюжим» категорически не желала и поэтому полностью разделяла благородное возмущение Анселлуса. Разделяла, но пока молчала — из последних, можно сказать, сил держалась.

Во-первых, нехорошо перебивать старших в их справедливом негодовании. И невыгодно. Пока они не выпустили пар и не опомнились, могут под влиянием эмоций, в запальчивости, случайно проговориться и сказать что-нибудь интересное, не предназначенное для посторонних ушей. А во-вторых...

Если честно, я сама еще толком не пришла в себя после всего, что случилось.

Летящая ко мне черная сфера с серебристой молнией внутри, предательский пинок стрекозла, подправившего траекторию искры, удар, звон в ушах, какой-то темный вихрь перед глазами... И вот я уже стою, растерянно хлопая ресницами. На плечах — черная мантия, в голове вместо мыслей одно лишь звонкое эхо, причем в буквальном смысле этого слова, вокруг окаменевшие от удивления адепты, а прямо передо мной — высокородный. И по его лицу видно, что он никак не ожидал от судьбы подобной подлости и в этом полностью со мной солидарен.

Что касается коварного стрекозла, то он попросту улетучился. Испарился, словно его и вовсе не было.

Торэт, кстати, тоже довольно быстро исчез с трибуны — пока я недоуменно озиралась и пожимала плечами в ответ на расспросы друзей.

Дальше все происходило как во сне.

Первокурсники спешно разобрали свои искры, но при этом смотрели они вовсе не на плащи, менявшие цвет, а по-прежнему на меня. Ректор сжато, по-деловому так, поздравил адептов, пожелал успехов в учебе, напомнил, что расслабляться рано, так как впереди выбор фамильяров,

и неожиданно устало махнул рукой: расходитесь, мол. Не успел он закрыть рот, как меня перехватил Канаги и, крепко держа за локоть, видимо, чтобы не сбежала, повел в кабинет к начальству.

Там уже ждали: сам Анселлус, неизвестно как оказавшийся на месте раньше нас, смутно знакомый мне очень серьезный господин, кажется, местный чиновник, и эльф, которого я толком не разглядела. Он расположился в полутемной нише между книжными шкафами и выходит явно не собиравшись...

— Это недоразумение! — не успокаивался архимагистр, и я снова, на этот раз с энтузиазмом, закивала. Ректор с каждой минутой нравился мне все больше и больше.

Конечно, недоразумение, и еще какое! Хорошо, что мы быстро во всем разобрались. А теперь, пожалуйста, заберите у меня этот плащик и дайте взамен что-нибудь попроще и понормальнее. Мне идет черный цвет, не спорю, но, если к нему в нагрузку прилагается Торэт, я, пожалуй, все-таки откажусь.

— Искра не ошибается, Анселлус, и вы это не хуже меня знаете, — неожиданно раздалось из ниши, той самой, полутемной.

А потом эльф шагнул вперед, на свет, и я еле сдержалась, чтобы не отшатнуться.

На первый взгляд ничего необычного: золотые волосы, ярко-голубые глаза, идеальные черты, уши, осанка — все как положено. По стандарту. И тем не менее было в этом типе что-то неуловимо напоминающее Торэта. Уверенный разворот плеч, хищное выражение безупречно красивого лица, насмешка, таящаяся в уголке губ. Почти пугающее сходство.

— Но, эйр Элистар... — пробормотал молчавший до этого чиновник. Надо же, и этот эйр, ко всем прочим недостаткам. Чутье меня не подвело. — Может, все-таки...

— Не может, — резко перебил эльф. — Или вы сомневаетесь в моих словах, господин Цаелс?

Голос его заledenел, хотя и прежде особой теплотой не отличался, и собеседник, побледнев, умолк. А высокород-

ный улыбнулся, язвительно, высокомерно, и так в эту секунду напомнил Берриана, что у меня само собой вырвалось:

— А вы, случайно, не родственники? С непра... гм... с эйром Торэтом?

— Случайно? — приподнял брови Элистар. — Какая любопытная формулировка. Увы, вынужден вас огорчить, но нет...

Он сделал паузу, однако не успела я облегченно выдохнуть, как последовало продолжение:

— Случайным наше родство сложно назвать. Оно самое что ни на есть закономерное. Кровное. А вот каким образом у вас оказалась магия Лунного Дома, еще предстоит выяснить. Есть версии, адептка?

И так его слова прозвучали, словно я их бесценную магию украла. Незаконно присвоила.

Этого еще не хватало.

Ничего толком не объяснили, говорят загадками, да еще и намекают непонятно на что, как будто они тут единственные безвинно пострадавшие. Ограбленные злостной чужачкой.

И я не выдержала. Закатала рукав, вытянула вперед руку с татуировкой и отчеканила:

— Версии есть. Эта печать, например. Она могла стать причиной?

Думала, эльф растеряется, разозлится, расстроится хотя бы, а он... рассмеялся. Совершенно не по-эльфийски: открыто так, заразительно.

Ну вот, второй неправильный. И откуда они только берутся на мою голову?

— Печать долга, — выдал Элистар, закончив наконец веселиться. — Надо же. А это будет еще забавнее, чем я предполагал. Намного забавнее.

М-да... Все-таки бесят меня эльфы — теперь я в этом уверена. Я и раньше-то особой любви к ним не испытывала, но теперь, глядя на ехидно ухмыляющегося высокородного, отчетливо поняла: терпеть их не могу. Всех. Но эйров, тем более неправильных, особенно.

И так хотелось сказать об этом одному ушастому... Я даже рот прикрыла ладонью, сделав вид, что откашлива-

юсь, и с трудом сдерживая рвущееся наружу чистосердечное, но не очень своевременное признание. Сдержала-таки. А потом вскинула подбородок и вежливо осведомилась:

— Я сказала что-то смешное?

Эльф улыбнулся еще шире, ироничнее и ответил... вопросом на вопрос. В лучших традициях Земли.

— Значит, вы уже знакомы с адептом Торэтом? Сталкивались с ним?

— Не знакомы, но сталкивались, это вы совершенно точно подметили, — подтвердила я. — За час до церемонии на внешней галерее как раз и столкнулись. Налетели друг на друга... вернее, я на него налетела. Совершенно случайно. Не толкала, на пол не роняла, одежду не рвала, никакого ущерба не нанесла, даже на ногу не наступила. Тут же отошла и извинилась, между прочим. А он заявил, что теперь я должна свою вину искупить ударным трудом на его благо — хоть не кровью смыть, и то хорошо. Велел прийти к нему, времени дал до вечера и татуировкой вот этой наградил. Авансом.

— Даже так? — протянул Элистар и... замолчал.

И это все, что он может сказать?

Ненавижу эльфов.

Видимо, на моем лице отразилось нечто такое, потому что куратор вдруг произнес торопливо:

— Валерия...

И тут же запнулся, остановленный властным жестом эльфа.

— Вы прикасались к Берриану? — хмуро поинтересовался высокородный.

— Разумеется. Мы же врезались друг в друга. На галерее было скользко, и я ухватилась за него, чтобы не упасть. На несколько мгновений, не больше.

— А потом, когда вам больше ничего не угрожало? Не случайно, а по собственной инициативе? — не отставал Элистар. Тон его изменился. На этот раз мужчина говорил сдержанно, серьезно, даже сурово. — Вспомните, это очень важно.

Потом?..

Перед глазами короткими кадрами промелькнула сцена: вот я отстраняюсь... выпрямляюсь... снова тянусь к эль-

фу... провожу рукой по его груди сверху вниз. Кстати, после этого Торэт на меня и разозлился.

— Да, — согласилась не очень охотно. — Я погладила... гм... разгладила его одежду. Ткань немного помялась, пока я ее в кулаке держала.

Элистар резко выдохнул, в его взгляде мелькнуло что-то странное, но он тут же прикрыл ресницы, будто отгораживался, а когда снова открыл глаза, в них были только холод и сталь. Голубая такая, отточенная. Смертоносная.

— Что вы знаете об эльфийских домах, адептка?

— Что они есть, — честно призналась я.

— Немного.

Молча развела руками.

Об эльфах на подготовительных курсах нам действительно мало рассказывали — только в самых общих чертах, да и то сжато. Считалось, что с первородными мы будем редко общаться, если вообще будем, а на первом курсе все равно предстояло изучать историю народов и рас этого мира. Вот там все и узнаем, в деталях и подробностях.

— Что ж, придется заниматься дополнительно, — то ли пригрозил, то ли предупредил мужчина. — Я об этом позабочусь. Составлю для вас отдельное расписание и увеличу количество предметов.

Точно угрожает.

Кстати, а кто он, собственно, такой? Кроме того, что не совсем правильный... то есть высокородный эйр?

— А вы?.. — начала я.

— Даэрн Элистар, — предугадав мой вопрос, представился он. — Глава так называемого эльфийского факультета.

Так называемого? Интересная оговорка.

— Я...

— А вы теперь моя ученица. Искра выбрала вас, и нам придется с этим смириться, независимо от наших эмоций и желаний, — снова прервал эльф, насмешливо блеснув глазами. — Мы обязательно все обсудим... когда получите фамильяра и станете полноценной адепткой. Сейчас разговор не имеет смысла: от того, какой магический помощник вас выберет, многое зависит.

Ну, если он так ставит вопрос, то...

— У меня уже есть фамильяр. Я привезла его с собой. С Земли.

— Все верно, — вмешался ректор. — Валерия получила специальное разрешение приемной комиссии. Связь с питомцем установлена и подтверждена.

— Подтверждена или нет, меня не интересует, — отмахнулся от пояснений Элистар. — Все ученики эльфийского факультета обязаны пройти ритуал. Завтра захватите вашего фамильяра с собой, адептка.

Представила Марсика вместе с другими фамильярами и даже зажмурилась от ужаса. На мгновение. А потом решительно сжала кулаки. Пусть делают что хотят — ругают, угрожают, да хоть выгоняют, но я своего зверя никому не позволю обидеть.

Опасность, угрожающая Марру, заставила забыть обо всем: об искре, цвете моего плаща, эльфийском факультете и его декане. Жаль, о Торэте мне забыть не позволили.

— А вот к Берриану вам все-таки придется пойти. К сожалению, — произнес Элистар, хотя никакого сожаления я в его голосе не услышала. — Вы нарушили наши правила, не важно, знали вы о них или нет. Как представитель правящей семьи Лунного Дома, он назначил наказание, и магия подтвердила его право и вашу вину, позволив печати проявиться.

Слова «наши правила, наказание, вина» высокородный особо подчеркивал, словно гвозди вбивал в крышку моего будущего гроба.

Ну, ничего, рано радуется. Мы еще посмотрим, кто кого в этом самом гробу закопает. В итоге.

* * *

Через полчаса я снова бежала коридорами академии, торопясь поскорее вернуться к друзьям, и вспоминала все, что рассказал мой будущий декан, когда наконец перестал загадочно улыбаться, говорить намеками и соизволил хоть что-то объяснить.

Итак, эльфийские правила, вернее, одно из них — древнее, почти забытое, но до сих пор действующее, — гласило:

нельзя намеренно касаться эйра без его на то позволения. Ключевые слова здесь «намеренно» и «без позволения». То есть случайно зацепить можно. Если высокородный не против — тоже. А вот специально, не получив согласия, хватать категорически запрещено.

Причем оружием или магией хоть на мелкие кусочки шинкуй, проблем не будет. Поединок для воина — святое дело. За руку потянуть, за волосы дернуть, даже за ногу подержаться тоже не возбранялось. А вот дотронуться раскрытой ладонью до груди напротив сердца — ни-ни.

Скажите пожалуйста, откуда мне об этом было знать?

Кстати, когда я спросила Элистара, зачем такие сложно-сти и почему вообще появилось это, мягко говоря, странное правило, он отвел взгляд и туманно сослался на древние, но незыблемые традиции своего народа. То есть попросту ушел от ответа. В очередной раз.

М-да... Как освобожусь, сразу возьму в библиотеке свод эльфийских законов и вызубрю наизусть, от корки до корки, чтобы не попадать больше в подобные ситуации, а то неизвестно, что там еще первородные за века успели придумать. Их извращенная фантазия меня уже пугать начала.

Да, решено, первым делом пойду в библиотеку, а пока...

Как мне пояснили, Торэт имел полное право назначить наказание. Нет, он, конечно, мог и не заметить прикосновения, проигнорировать, сделать вид, что разрешил, — как я поняла, это старое правило сейчас почти не применялось, тем более к девушкам. Мог бы. Но не пожелал. Из вредности, мести, по причине плохого настроения... Какая теперь разница? Главное другое.

Высокородный вздумал меня наказать, магия рода подтвердила его волю, закрепив печать, и теперь татуировка исчезнет, лишь когда будет выполнено условие. Или если Торэт внезапно сменит гнев на милость и лично ее снимет. Последнее очень сомнительно — подобным подарком этот... во всех отношениях «уклюжий» вряд ли меня осчастливит.

По мнению Элистара, мне не оставалось ничего другого, как явиться вечером к его родственнику, выполнить,

что он сказал, после чего долг сочтут выплаченным и печатка испарится.

Идти к Торэту категорически не хотелось. И дело не в работе. Подумаешь, пыль вытереть — ерунда, минутное дело. Я, не колеблясь, согласилась бы, если бы эльф просто попросил помочь ему с уборкой. Но превращаться в служанку по чьей-то прихоти? Ну уж нет, не будет этого.

— А если я откажусь?

На этот прямой и очень простой вопрос Элистар ответил не сразу. Помолчал, внимательно всматриваясь в мое лицо, коротко хмыкнул, а затем пояснил, что проигнорировать требование Берриана не получится. Печать заставит прийти. Вынудит. Мне даже знать номер комнаты не обязательно — магия сама приведет, куда нужно. Как жертвенную овцу на веревочке.

— Вы ведь ощущаете, как начинает гореть запястье, адептка? Чувствуете, как вас тянет бежать куда-то? Дальше будет только хуже.

Бежать меня действительно тянуло. Точнее, сбегать от этих ненормальных эльфов как можно дальше. Лучше всего домой, на Землю. А вот с рукой все было в полном порядке, в чем я тут же честно призналась декану. Он нахмурился, покосился как-то странно и пообещал, что все еще впереди. Обнадежил, так сказать.

— Волю Торэта трудно оспорить, он сильнейший маг в своем поколении. Но вы, конечно, вправе попытаться. Поединок магий. Если ваш дар окажется хотя бы отдаленно сравним с даром Риана, может, что-то и получится. Хотя... это совершенно невероятно. Сами понимаете, Валле-рия. — Элистар загадочно улыбнулся, словно подталкивал меня к чему-то.

На этом беседа и закончилась.

Нет, у меня оставались еще вопросы. У куратора, судя по его лицу, тоже имелось, что сообщить, но Элистар внезапно заявил, что ему необходимо обсудить с магистрами одно очень важное, безотлагательное дело. Срочно. Без свидетелей. Мэтры переглянулись и велели мне возвращаться в свою комнату.

— Я зайду, как только освобожусь, Валерия, — пообещал Канаги.

Кивнула и, попрощавшись, вышла из кабинета ректора. А что еще оставалось делать? При эльфе все равно никакого доверительного разговора не получится. Да и наши уже, наверное, заждались. Волнуются...

Я спустилась по очередной лестнице, добежала до конца коридора, остановилась на мгновение, колеблясь, а потом решительно открыла дверь, ведущую на внешнюю галерею. Внутри, конечно, теплее и приятнее, но... Вдруг я снова стрекозла встречу? Где еще его искать, я не знала, а пообщаться с ним просто-таки жаждала. Страстно и не удержимо.

На галерее было пусто и тихо, ни единой души — ни живой, ни мертвой. И я, поплотнее закутавшись в плащ и не забывая поглядывать по сторонам, двинулась вперед.

Рука не болела, в жар меня не кидало и по-прежнему никуда не тянуло, но если Элистар обещает, что это случится...

А что, если все-таки пойти к Торэту? Нет, не для того, чтобы торжественно исполнить его волю, а просто поговорить. По-человечески... то есть по-эльфийски... в общем, как разумный с разумным. Мы не очень хорошо начали наше знакомство, но все можно изменить, исправить, переиграть. В конце концов он теперь знает, что я иномирная и нарушила их древне-замшелые запреты не специально, а по недоразумению. Извинюсь еще раз, объясню. Надеюсь, он поймет, снимет печать, и мы мирно разойдемся.

Я улыбнулась, ускорила шаг, раздумывая: стоит ли идти одной или лучше взять «помощь друга» и «поддержку зала», как вдруг откуда-то сбоку послышался странный звук.

— Псс, — прозвучало в тишине галереи резкое.

И опять, после короткой паузы:

— Псс... Псс...

Ветер давно стих, и огромные снежинки беззвучно кружились в воздухе, роились пушистыми мухами, заслоняя весь мир снаружи почти непроницаемой, густой завесой. Тихо, пусто, только снег... снег... снег... Ничего, кроме снега.

— Псс... Да псс же, бестолковая. Сюда, — прошипели уже раздраженно.

У одной из боковых колонн мелькнула смазанная, едва различимая крылатая тень.

Стрекозел? Как кстати. Ты-то мне и нужен, приятель!

Я шагнула к перилам, наклонилась, даже на цыпочки привстала, внимательно вглядываясь в молочно-белую пелену, окутывающую все вокруг. Но рассмотреть ничего не успела. За спиной гулко хлопнула дверь, и сильные руки обхватили меня за талию, втягивая обратно.

Среди снежных хлопьев размытым призраком пронесся, стремительно отдаляясь, тонкий, гибкий силуэт — стрекозел, если это, конечно, был он, благоразумно предпочел исчезнуть. Честно говоря, я с удовольствием последовала бы его примеру. Жаль, летать не умела, поэтому пришлось поворачиваться, чтобы поймать знакомый темно-синий взгляд и услышать злое:

— Ты что творишь, ненормальная?

Торэт...

Ну разумеется, кто же еще? Место встречи изменить нельзя. Похоже, у нас участь такая: постоянно сталкиваться на галерее.

Быстро отстранилась, выкручиваясь из цепкого захвата. Берриан потянулся за мной, словно пытался удержать, но я уже успела отступить и даже ладони убрала за спину. На всякий случай. Вдруг у эльфов еще какое-нибудь неучтенное правило имеется. Нельзя, допустим, дотрагиваться до ногтя на левом мизинце, а я по незнанию ухвачусь за него, и все — тут же очередной загадочной татушкой обзаведусь.

Нет уж. Пока со всеми их законами и традициями лично не ознакомлюсь, буду держаться от высокородного на безопасном расстоянии. Во избежание.

Торэт проследил, как я отодвигаюсь, прячу руки за спину, и почему-то помрачнел. А потом рот его искривился в привычной язвительной усмешке.

— Решила броситься вниз, человечка? Настолько боишься меня? Учти, даже посмертие не освободит от печатки, магия все равно поднимет тебя и приведет ко мне.

— А там еще останется, что поднимать? — искренне заинтересовалась я.

Снова перегнулась через перила, мысленно прикинула расстояние до земли. Представила. Впечатлилась.

— Оригинально. Все высокородные такие затейники или только мне повезло?

— Что?

— Фантазия, говорю, у тебя своеобразная. Больн... гм... богатая. Даже причудливая, не побоюсь этого слова.

Эльф нахмурился, а я, вспомнив, что собиралась спокойно с ним поговорить, даже помирилась... по возможности, произнесла торопливо:

— Послушай, ты же знаешь теперь: я землянка, с вашими законами не очень хорошо знакома. Если и нарушила что-то, то исключительно по недоразумению. Может, снимешь печать и расстанемся по-хорошему? Обещаю вне занятий к тебе вообще не приближаться. Вот как замечу издали, сразу сверну в сторону. Или пройду мимо, сделав вид, что мы незнакомы. Договорились?

— Расстанемся, значит. Сделаешь вид, что незнакомы, — повторил Торэт и так плотно сжал губы, что они побелели слегка, а на скулах проступили желваки.

Ему явно не понравилось мое предложение, очень не понравилось — хотя я и не поняла почему.

— Ну уж нет, человечка. Не договорились. Таких, как ты, надо учить.

Учить? Вот как?

Самодовольный павлин.

И ведь хотела я с ним мирно все обсудить, договориться... Искренне хотела. Но, видно, не судьба.

— О! Значит, это будет учеба? Передача опыта от старшего товарища младшему? Практическое занятие? Что ж ты сразу-то не сказал? — пропела, жизнерадостно улыбаясь. — С удовольствием посмотрю, как ты пыль вытираешь. Поучусь. Я, конечно, и сама умею... вроде бы... Но вдруг вы, эйры, как-то по-особому это делаете, одним вам известным древним способом? Ты же поделишься со мной секретами уборки по-эльфийски? Мы как-никак теперь коллеги-черноплащники.

Глаза высокородного гневно сузились, ноздри затрепетали, но он сдержался, лишь крепко сжал кулаки. Выдохнул и холодно отчеканил:

— Получила случайно магию моего дома и теперь считаешь нас равными? Ошибаешься. Ты сначала фамильяра добудь, в поединке докажи свое право на лунное наследие, а там посмотрим, коллеги мы или ты всего лишь простая магха.

После этих загадочных слов Берриан развернулся и двинулся прочь. Правда, у самого выхода с галереи задержался ненадолго, указал туда, где за снежной пеленой скрывались невидимые сейчас башенные часы, бросил небрежно:

— Время идет. Лучше тебе явиться в мои покои пораньше, не дожидаясь полной активации печати.

И только затем скрылся за дверью.

Вот ведь... эльф.

Глава 4

После внезапного появления и не менее стремительного отступления высокородного эйра вокруг снова стало пусто и спокойно. Только я, снег, тишина и никого больше. Стрекозел так и не объявился, хотя я терпеливо мерзла еще четверть часа на самом видном месте, карауля его. Крылатый явно «находился в бегах» и, судя по всему, мудро решил не возвращаться на галерею, которая пользовалась такой нездоровой популярностью у эльфов.

Честно говоря, я его прекрасно понимала, даже разделяла его точку зрения. Мне это место тоже резко разонравилось, слишком уж много тут перворожденных. Куда ни свернешь, того и гляди на очередного «уклюжего» наткнешься. На нового или на старого знакомого, что еще хуже.

Прохлаждаться здесь дальше не имело смысла, дома ждали нерешенные дела, друзья, голодный Марр, а стрекозел... Мы с ним сегодня уже три раза умудрились встретиться, значит, и еще увидимся. Есть у меня подозрение... нехорошее такое, что я этому мелкому террористу зачем-то очень нужна и он затаился поблизости, выбирая подходящий момент.

Больше, к счастью, я по пути никого не встретила. Да и идти-то оставалось недалеко: до конца галереи, потом по лестнице к запасному выходу, а дальше, на боковую дорожку, которая и вывела меня к маленькому двухэтажному строению в глубине академического парка.

Адепты Эртдора, с первого по последний курс, жили в своих факультетских башнях, но для нас сделали исключение и выделили отдельный домик. Симпатичный, аккуратный, со всех сторон окруженный заснеженными деревьями, он был

похож на спрятавшуюся в лесу сказочную пряничную избушку и невероятно мне понравился. Внизу — общая гостиная с книжными шкапами вдоль стен, наверху, в мансарде под самой крышей, — небольшие, но очень уютные комнаты, у каждого своя. То, что нужно для «чужаков», скучающих по своему миру, и гораздо уютнее, чем в престижных, строго-помпезных башнях. Надеюсь, нас и дальше тут оставят.

В гостиной меня встретил уютно потрескивающий камин, накрытый к чаю стол и облегченные, радостные голоса:

— А вот и наша эльфийка под прикрытием. Колись, подруга, у тебя в предках перворожденный, случайно, не затесался? Что там ваши семейные предания на этот счет говорят?

— Точно, Лер, какой-нибудь нелегал, тайно пробравшийся на Землю. Весь из себя такой загадочный и таинственный... Я ужас, летящий на крыльях ночи! Я Черный Плащ!

Сашка с Сэмом затормошили, закружили меня, заговорили наперебой, пряча за внешней беспечностью тревогу и озабоченность. А Полли, дождавшись своей очереди, заинтересованно добавила:

— Ты декана эльфов уже видела? Говорят, он настоящий красавец. Просто идеальный.

Александра скептически хмыкнула, а Семен вскинул подбородок и преувеличенно серьезно провозгласил:

— Не верю. Идеальных мужчин не существует. Даже у меня есть недостатки.

Я, не выдержав, рассмеялась. Плохого настроения как не бывало. Хорошо все-таки, когда у тебя есть такие понимающие друзья. Кстати, о понимании...

— Слушайте, а где...

— Там, — хором отозвались все трое, моментально сообразив, о чем, вернее, о ком идет речь, и одновременно указали на веранду, в приоткрытую дверь которой горделиво-неспешно входил Он.

Лорд Мартин Вайз Фортейн, а попросту — Марр, Маррик и даже Маса.

Его котеишество собственной бесценной персоной.

Надменный прищур колдовских желто-зеленых глаз, плавная поступь, грация в каждом движении и полное иг-

норирование присутствующих. Только кончик эффектно вздернутого павлин... пушистого хвоста чуть подрагивал, выдавая владельца. У котейшества все было под контролем, недаром Сэм сразу же прозвал его Админом. И Марр, как ни странно, откликнулся.

Зверь пересек гостиную, вспрыгнул на кресло у камина, которое в первый же день объявил своей собственностью, и застыл, глядя на огонь. Делая вид, что ему совершенно безразличны те, кому он только что по-королевски величественно явил себя.

И так он мне в этот момент Торэта напомнил! Вылитый высокородный «уклюжий».

М-да... Каждый кот — немножечко эльф, а уж Марр — так на две трети, не меньше. Если между ним и Беррианом устроить соревнование по надменности, неизвестно, кто выйдет победителем. Да и список титулованных предков у Мартина Вайза Фортейна подлиннее, наверное, чем у иного остроухого.

Представила, как эйр с Маськой ревниво сравнивают родословные, хихикнула, и котейшество тут же повел ушами, бдительно проверяя: не над ним ли смеются нерадивые подданные. Аристократ, что и говорить.

Надо признаться, о породистом коте я никогда не мечтала. У нас в доме всегда жили обыкновенные двор-кот-терьеры, и меня в них все устраивало. Нравилась их напористость и бесшабашная, уверенная наглость. Но однажды пришлось сопровождать подругу к заводчику на смотрины элитного котенка, и там мне под ноги неожиданно бросился пушистый серый комок. А когда я взяла его на руки, уткнулся в шею и затарахтел крошечным моторчиком. Еще и лапами обхватил для надежности, чтобы не сбежала. Марр сам выбрал меня, и я сдалась на милость победителя — немедленно, без всяких условий.

Хозяйкой породистому шиншилловому персу я оказалась нерадивой. В родословную едва заглянула, переименовала потомственного аристократа в Маську, на выставки не возила, в соревнованиях с ним не участвовала и вообще относилась к нему как к обыкновенному коту. Терпеливо

мирясь с царственными замашками, попытками перевоспитать меня и особенностями «благородного» характера.

Людей Марр не боялся, котейшеству даже в голову не приходило, что кто-то осмелится его обидеть. На моих коленях никогда не лежал, спать со мной отказывался, есть никогда не просил, считая это ниже своего достоинства, — просто молча, со вселенской скорбью во взгляде сидел возле миски. А главное, категорически не переносил, когда я надолго исчезала. Впадал в депрессию и все дни проводил на подоконнике, мрачно взирая на мир с видом последнего самурая, готовящегося с честью, без позорной спешки, отдать жизнь в борьбе с суровой действительностью.

Поэтому, когда мне неожиданно предложили отправиться в магическую академию чужого мира, я не колебалась ни минуты. Или еду с Марром, или... вообще никуда не еду — другого варианта не существовало.

Земная комиссия, отчаявшись меня уговорить, махнула рукой и предложила самой все обсудить с принимающей стороной, а та...

Как позже выяснилось, на Валгосе кошки не водились — исчезли, причем очень давно. Зато сохранились легенды о могущественных ведьмах и картинки в древних манускриптах, на которых были изображены неизменные спутники этих самых ведьм, подозрительно похожие на больших, откормленных котов.

Так что мне в конце концов удалось убедить мага, проводившего собеседование с отобранными кандидатами, что мой Марр — близкий родственник тех самых легендарных фамильяров. Пэтов, как мы их называем. И вообще у него огромный потенциал, просто способности еще не до конца раскрылись по причине слабого магического фона здесь, на Земле. А вот на Валгосе он сразу развернется, разойдется и проявит себя во всей красе — никому мало не покажется!

Маг выслушал мою пламенную речь, покосился на Маську, невозмутимо восседавшего в прозрачной капсуле-переноске, вздохнул и предложил проверить уровень нашей магической связи. Я напряглась, мысленно готовясь к поражению и отказу, но, как ни странно, измерения

показали, что Марр идеально мне подходит. Разрешение было получено, и вскоре мы с официально утвержденным «фамильяром» благополучно отбыли на Валгос.

* * *

Снег все падал и падал, грозя превратить мир за окном в один огромный сугроб. На поленьях весело плясало пламя, последний кусок сладкого пирога был честно поделен на четверых и незаметно проглочен вместе с горячим ароматным отваром. Марр, получив свой обед, сменил гнев на милость, перебрался на подлокотник хозяйского кресла и теперь басовито мурлыкал под моей ладонью. А я рассказывала друзьям обо всем, что произошло с тех пор, как мы расстались: о беседе в кабинете ректора, о встрече с неправильным эльфом на галерее... Даже о стрекозле с его «штрафным ударом» не забыла.

— Значит, декан эльфов уверен, что встречаться с Торэтом все равно придется? — переспросил Семен. Нахмурился, решительно качнул головой. — Что ж, если он так настаивает, почему не сходить? Сходим. И порядок наведем. Обязательно. Все как следует... зачистим.

— Почистим, — рассеянно поправила Полли, во всем любившая точность.

— Нет, именно зачистим, — не согласился Сэм и так невинно, почти добродушно при этом улыбнулся, что даже я заподозрила неладное.

Сэм и подобная улыбка — уже само по себе достаточно подозрительно, особенно в нашей ситуации. А он еще и добавил:

— Не волнуйся, Поль, прорвемся, с нами не пропадешь. Мы еще научим тебя подносить патроны.

Чем окончательно ввел Полин в ступор.

— Это в самом крайнем случае, — утешила я ее. — Если печать все-таки заставит меня идти к эйру. Пока я вообще ничего не чувствую — обычная татуировка, и все. Сейчас еще рано, конечно, но, по словам Элистара, она уже должна хоть как-то проявить себя. Покальвать, нагреваться, заставлять руку неметь, вызывать беспричинное волнение

и желание немедленно бежать к эльфу с тряпкой и ведром наперевес... В общем, исполнять свои прямые обязанности и напоминать о невыполненном долге, как положено магической метке. А она молчит — даже примерного направления к комнате Торэта не указывает.

Я подняла рукав и еще раз осмотрела запястье.

Кот лениво приоткрыл глаза, чтобы узнать, почему его вдруг перестали гладить, и заинтересованно потянулся к моей ладони. Обнюхал печать, фыркнул и внезапно сердито ударил по ней лапой.

— Даже Марру этот эльфийский подарок не нравится, — закончила я. — Так что, если магия не вынудит, никуда не пойду. Мириться высокородный не хочет, а прислуживать ему... нет уж, не дождется. Есть у меня одна идея... Вот только Канаги нужно кое о чем спросить, когда он придет. Заодно, кстати, разберемся, что там у них за проблемы с обретением фамильяра. Почему и декан, и Торэт меня им пугают? Магистр же уверял, что выбор питомца — простая формальность, ничего сложного. И еще, кто-нибудь слышал раньше про магхов?

Друзья дружно покачали головами.

— Может, перворожденные так маггов называют? — предположила Полли.

— Угу, он магх, она магха, — хихикнула Сашка. — Хороша парочка.

— Вряд ли. Кто тогда «простая магха», о которой Торэт с таким пренебрежением говорил? Ладно, что толку гадать, куратор все объяснит.

Увы, Канаги мы так и не дождались. Вместо него примерно через час прибежал деловой, взъерошенный, как воробей, парень, судя по виду — младшекурсник с бытового, и, опасливо косясь на «загадочных иномирян», объявил, что должен отвести нас на обед. Дескать, мы теперь почти полноправные адепты и есть нам полагается не здесь, в доме, как раньше, а вместе со всеми — в академической столовой.

— Я Енц, — представился он под конец своей краткой речи. И, решив, что достаточно нас обо всем проинформи-

ровал, закончил: — Жду на улице. Только давайте поскорее, ладно?

Мы переглянулись, кивнули и уже через пять минут бодро топали за новоявленным проводником по запорошенной снегом аллее. Тем более что и собираться-то особо не пришлось. Плащи, или, как их называли в Эртдоре, мантии, были всепогодными и сами подстраивались под колебания температуры: не промокали, не пачкались, согревали зимой, почти не чувствовались летом, а в помещении выглядели легкой накидкой. Так же обстояло и с обувью.

В общем, великое дело — магия. Полезное и в быту удобное.

— Быстрее, ну, быстрее же, — подгонял сопровождающий, успевший уже освоиться в нашем обществе и потерять весь свой первоначальный страх. — Вам-то торопиться некуда, у первого курса занятия только завтра начинаются, а мне потом на лекцию бежать к мэтру Ралграту. Он знает как придирается к опоздавшим? Нет? Ничего, еще узнаете, на общих лекциях... Да быстрее же!

И мы все ускоряли и ускоряли шаг, почти переходя на бег и распугивая попадавших на пути случайных адептов. Те, завидев нашу процессию, торопливо шарахались в стороны. То ли от нас, то ли от меня, то ли от моего плаща, а скорее — от всего сразу.

Представляю, какой фурор я произведу в столовой. О том, что Торэт тоже там, старалась не думать. Хватит с меня мыслей об этом ушастом.

Кстати, уши у него все-таки симпатичные. Забавные такие уши. Были бы мы друзьями, обязательно попросила бы разрешения их потрогать.

Огромное помещение, куда нас доставил местный «Сусанин», напоминало бальный зал какого-нибудь дворца и меньше всего походило на столовую. По крайней мере как я ее себе представляла.

Высокий прозрачный купол — явно с магической очисткой, потому что снег, коснувшись его, сразу таял. Светильники, парившие под потолком, тяжелые портьеры на окнах, до блеска натертый паркет. А еще столы со